Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости

ЛАПШИН Валерий Федорович, профессор кафедры уголовного права и процесса Югорского государственного университета, доктор юридических наук, доцент
628012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16
E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Цели наказания официально закреплены в отечественном уголовном законодательстве еще с начала прошлого столетия, но ввиду высокой степени абстрактности описания ни одна из них до настоящего времени не получила всеобщего одобрения в отечественной уголовно-правовой доктрине. В то же время официальная цель наказания является отражением проводимой уголовной политики, позволяет определить эффективность правоприменительной деятельности, выявить недостатки нормативно-правового регулирования как в сфере уголовно-правовых отношений, так и в области предупреждения преступности в целом. Поэтому для формулирования действительной цели уголовного наказания необходимо определить совокупность критериев реальной достижимости видов наказаний, предусмотренных уголовным законодательством.

Настоящее исследование предполагает формулирование действительной цели уголовного наказания, которая может быть достигнута в результате установления уголовно-правового запрета. Для достижения поставленной цели необходимо, во-первых, сформулировать критерии достижимости целей уголовного наказания, а во-вторых, оценить все предложенные современной наукой и действующим законодательством цели уголовного наказания на предмет соответствия выделенным критериям.

Достижение заявленных результатов исследования обеспечивается применением диалектического метода научного познания, а также рядом иных частно-научных методов: классификации, обобщения, анализа, индукции и дедукции.

Автором сделаны выводы, что ни одна из официально заявленных целей уголовного наказания не может быть достигнута в результате установления уголовно-правового запрета и реализации ответственности за его нарушение. Для формулирования действительной цели уголовного наказания определены два критерия ее достижимости: формальный и материальный. Первый заключается в утверждении, что цель уголовного наказания должна достигаться в результате реализации только норм уголовного права. Материальный критерий сводится к тому, что цель уголовного наказания представляет собой результат, подлежащий фиксации и учету как состоявшийся в действительности. С учетом содержания выделенных критериев достижимости сделан вывод, что единственной целью уголовного наказания является определение характера и степени общественной опасности конкретного преступного посягательства.

Ключевые слова: цели уголовного наказания, восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения преступлений, критерии достижимости целей наказания.

The True Purpose of Criminal Punishment and the Criteria for Its Attainability

V. F. LAPSHIN, professor of the Department of criminal law and procedure of Yugorsk State University, doctor of legal sciences, associate professor
16, Chekhov st., Khanty-Mansiysk, Russia, 628012
E-mail: kapitan-44@yandex.ru

The purposes of punishment were officially fixed in the domestic criminal legislation in the beginning of the last century. However, due to the high degree of the description's abstractness, none of them has until now received universal approval in the domestic criminal law doctrine. At the same time, the official goal of punishment is a reflection of the current criminal policy. It allows determination of the law enforcement activities' effectiveness and identification of shortcomings in normative regulation both in the field of criminal law relations and in crime prevention in general. Therefore, in order to formulate the actual goal of criminal punishment, it is necessary to determine the set of criteria for the real attainability of the punishment types provided for by criminal law.

This study assumes the formulation of criminal punishment's actual purpose, which can be achieved as a result of established criminal-legal prohibition. To achieve this goal, it is necessary, firstly, to formulate the criteria for the attainability of the objectives of criminal punishment, and, secondly, to evaluate all the purposes of criminal punishment proposed by modern research and the current legislation for compliance with the criteria.

The achievement of the research's declared results is provided by the use of the dialectical method of scientific cognition, as well as by a number of other private scientific methods: classification, generalization, analysis, induction and deduction.

As a result of the conducted research, it was concluded that none of the officially stated goals of criminal punishment can be achieved as a result of the establishment of a criminal-legal prohibition and the realization of responsibility for its violation. To formulate the actual goal of criminal punishment, two criteria for its attainability are defined: formal and material. The formal criterion is to affirm that the purpose of criminal punishment should be achieved as a result of the implementation of criminal law norms only. The material criterion can be summarized by saying that the purpose of criminal punishment is the result that is to be fixed and recorded as being done in real life. Taking into account the content of the identified attainability criteria, it is concluded that the only purpose of criminal punishment is to determine the nature and degree of the public danger of a specific criminal assault.

Keywords: purposes of criminal punishment, restoration of social justice, correction of convict, prevention of new crimes' commission, the criteria for attainability of the purposes of punishment.

DOI: 10.12737/art_2018_5_8

Казалось бы, какой смысл заключается в определении целей наказания, которые обязательно должны быть отражены в действующем уголовном законе? Результаты исследований великих философов-мыслителей человечества, крупных представителей гуманитарных наук свидетельствуют о том, что любая сформулированная цель уголовного наказания тут же становится предметом небезосновательной критики и доказывания бесперспективности достижения.

В то же время отказ от закрепления в уголовном законе целей наказания, как это сделано в некоторых зарубежных источниках уголовного права, был бы неуместным по ряду причин. Ответ на вопрос о цели наказания является отражением проводимой государством уголовной политики и ориентиром для лиц, непосредственно обеспечивающих от имени государства применение уго-

ловного законодательства. Наличие официальной цели уголовного наказания позволяет определить эффективность правоприменительной деятельности, выявить недостатки нормативно-правового регулирования как в сфере уголовно-правовых отношений, так и в области предупреждения преступности в целом. Вот почему, несмотря на крайнюю сложность формулирования целей наказания, применяемого за совершение преступления, данной теоретико-прикладной проблеме всегда будет уделяться повышенное внимание, а попытки определения новых целей или уточнения содержания уже имеющихся будут предприниматься всякий раз при переоценке ценностей на очередном этапе общественного развития.

Анализ действующего уголовного законодательства свидетельствует о неудачном предложении тех целей, которые могут быть достигнуты в

результате назначения (исполнения) уголовного наказания. Если и согласиться с тем, что уголовное наказание может достигнуть одновременно нескольких целей, то необходимо понимать, что они должны быть содержательно обособлены, а достижение этих целей осуществляется независимо друг от друга. Цели, обозначенные в действующем уголовном законе, данному требованию явно не отвечают: нельзя добиться исправления осужденного, который, будучи полностью исправленным, вновь совершит преступление; нельзя констатировать факт предупреждения совершения новых преступлений, если в обществе совершаются (и будут совершаться) уголовно наказуемые деяния.

Учитывая данные обстоятельства, следует выделить критерии формулирования целей уголовного наказания. Во-первых, цель уголовного наказания должна достигаться в результате реализации только норм уголовного права (*формальный критерий*). Это связано с закрепленным в ч. 1 ст. 1 УК РФ императивным положением об Уголовном кодексе как единственном источнике отечественного уголовного законодательства. Рассмотрение целей уголовного наказания в качестве межотраслевого института уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, административного права фактически приведет к невозможности их достижения. Если же заявленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели и будут реализованы в обозримом будущем, то установить время их достижения не представится возможным.

Во-вторых, цель уголовного наказания является достижимой, т. е. она представляет собой тот результат, который подлежит фиксации и учету как состоявшийся в реальной действительности (*материальный критерий*). Абстрактное описание цели уголовного наказания не позволит точно уяснить ни содержание результата правоприменительной

деятельности, ни особенности применения средств его достижения.

Изучение содержания целей наказания, предусмотренных действующим уголовным законом, позволяет ответить на вопрос об их соответствии предложенным критериям оценки. Так, ни одна из целей уголовного наказания, предусмотренная действующим уголовным законом, не соответствует формальному критерию. Восстановление социальной справедливости — в том понимании, которое предлагается сторонниками его установления¹ — начинает осуществляться с момента применения лишений и правоограничений в процессе осуществления уголовно-процессуальной деятельности на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Она же может реализовываться еще до вступления обвинительного приговора в законную силу при удовлетворении гражданского иска в уголовном процессе — компенсации потерпевшему материального и иного вреда, причиненного в результате совершения преступления. Момент юридического окончания восстановления социальной справедливости установить достаточно трудно, поскольку даже после погашения судимости и снятия мер административных ограничений к лицу в соответствии с действующим законодательством могут применяться некоторые правоограничения (например, недопустимость приема на службу в правоохранительные органы и др.).

Цели исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений являются межотраслевыми категориями уже только потому, что предусматриваются и уголовным, и уголовно-исполнительным законодательством. Кроме этого, данные цели настолько многогранны, что определить границы

¹ См., например: Карамашев С. Б. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 8—13.

правовой регламентации процесса их достижения не представляется возможным, хотя бесспорен тот факт, что находятся они далеко за пределами предмета уголовно-правового регулирования.

Соответствие современных целей уголовного наказания материальному критерию исключается в принципе, поскольку все формулировки, примененные для описания результатов реализации уголовного наказания, крайне абстрактны, а потому не соответствуют правилам законодательной техники. Не исключено, что по этой причине в современной уголовно-правовой доктрине до сих пор не достигнуто единство мнений о том, какая цель наказания является действительно достижимой.

Отечественное уголовное законодательство не содержит определения ни одной из закрепленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ целей уголовного наказания, что презюмирует общеизвестность и однозначность восприятия используемой в указанной норме терминологии. Однако лексическое значение наименований целей уголовного наказания не сопоставляется с теми результатами, которые можно достигнуть путем применения соответствующих уголовно-правовых мер государственного принуждения. Так, «восстановление» характеризуется как приведение в прежнее нормальное состояние; возвращение в прежнее положение².

В уголовно-правовой литературе высказано мнение, в соответствии с которым восстановление социальной справедливости достигается при назначении лицу, признанному виновным в совершении преступления, уголовного наказания, вид и размер (срок) которого фиксируется во вступившем в законную силу обвинительном приговоре³. Данное мне-

ние вызывает некоторое недоумение, поскольку на момент вступления в законную силу обвинительного приговора осужденный может не понести и малой части тех лишений и правоограничений, которые включаются в содержание назначенного ему наказания. Факт определения меры ответственности за совершенное преступление никак не влияет на материальное восстановление тех благ, которые были нарушены в результате совершения уголовно наказуемого посягательства.

Анализируя возможность достижения восстановления социальной справедливости, З. А. Астемиров предполагает, что данная цель уголовного наказания может быть достигнута, если конфликт между преступником и потерпевшим разрешается «на справедливых началах, воздавая должное каждой из сторон конфликта», преступник в соответствии с приговором «должен получить справедливую кару», а потерпевший — «удовлетворение в моральном, материальном плане и... физическое восстановление»⁴. В принципе аналогичное мнение высказывает О. В. Филимонов, который выделяет пять уровней достижения восстановления социальной справедливости как цели уголовного наказания. Первый уровень характеризует удовлетворенность общества степенью строгости уголовного наказания, применяемого за конкретное преступление. Второй уровень предполагает закрепление в уголовно-правовых нормах соответствия между тяжестью совершенного преступления и строгостью уголовного наказания, назначение которого возможно за его совершение. Третий уровень фактически сводится к процессу индивидуализации уголовной ответственности в части назначения вида и размера (срока) конкретного наказания,

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1978. С. 92.

³ См.: Курочка Е. В. Проблемы наказания в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 85.

⁴ Астемиров З. А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания. Магачкала, 2000. С. 68—69.

т. е. к применению положений ст. 6, 60, 61, 63 УК РФ и др. Четвертый и пятый уровни достижения социальной справедливости характеризуют соблюдение прав и законных интересов, соответственно, потерпевшего и осужденного в процессе назначения и исполнения уголовного наказания⁵. Очевидно, что достижение всех выделенных уровней констатирует факт восстановления социальной справедливости, нарушенной в результате совершения преступления. Схожую схему достижения цели восстановления социальной справедливости позже предложил В. Н. Орлов, выделив несколько степеней оценки ее достижения или недостижения в процессе назначения и (или) исполнения уголовного наказания⁶.

Перечисленные варианты установления факта восстановления социальной справедливости представляют собой исключительно научную ценность, их невозможно применить на практике: закрепить в положениях уголовного законодательства и внедрить в деятельность органов и учреждений, исполняющих уголовное наказание, — по причинам подмены понятий, равно как и крайне высокой степени абстрактности описанных результатов назначения и применения уголовного наказания. Так, предлагаемые З. А. Астемировым и О. В. Филимоновым пути восстановления социальной справедливости не имеют ничего общего с назначением уголовного наказания по конкретному уголовному делу. В сущности, авторы частично описали правила осуществления дифференциации (а не индивидуализации) уголовной ответственности, в соответствии с ко-

торыми в санкцию включаются те виды наказаний, которые в большей степени соответствуют общественной опасности преступления данной уголовно-правовой нормы. Кроме этого, восстановление социальной справедливости в виде компенсации потерпевшему морального, материального вреда, а по предложению О. В. Филимонова и «физического восстановления» невозможно при применении уголовного наказания. Все виды наказаний, которые носят имущественный характер, исполняются в пользу государства, а не потерпевшего; вред жизни или здоровью, причиненный в результате совершения преступления, компенсировать невозможно в принципе. Учитывая данные обстоятельства, следует заключить, что уголовное наказание даже теоретически нельзя рассматривать ни как средство, ни как гарантию восстановления социальной справедливости, нарушенной совершением уголовно наказуемого деяния. Сама же категория «справедливость» является неопределенной и субъективной, вследствие чего понимание ее сущности осужденным, потерпевшим, третьими лицами и представителями органов государственной власти, осуществляющими правосудие, далеко не одинаковое.

Аналогичным образом представляется положение и с целью исправления осужденного за совершение преступления. Лексическое значение слова «исправление» заключается в улучшении чего-либо, в освобождении от каких-нибудь недостатков, изменении к лучшему⁷. Исходя из этого, уголовное наказание должно совершенствовать личность осужденного и исправлять его от существующих недостатков, давать правильное представление об общепризнанных ценностях современного общества.

Действующий уголовный закон не только не описывает состояние ис-

⁵ См.: Уголовное право Российской Федерации: Общая часть: учебник / под ред. О. Н. Ведерниковой, С. И. Никулина. СПб., 2005. С. 234—235.

⁶ См.: Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты: монография. М., 2011. С. 120—121.

⁷ См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 235.

правления лица после назначения и (или) исполнения уголовного наказания, но и содержит ряд коллизионных положений, свидетельствующих о том, что ни суд, ни третьи лица не в состоянии установить факт исправления осужденного в действительности. Так, уголовное наказание преследует цели, перечисленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ, в том числе исправление осужденного. Однако, если данные цели были достигнуты за более короткое время по сравнению со сроком, определенным в обвинительном приговоре суда, то его дальнейшее исполнение становится бессмысленным. В этом случае осужденный может быть условно-досрочно освобожден от дальнейшего отбывания назначенного уголовного наказания (ч. 1 ст. 79 УК РФ).

Но, несмотря на факт состоявшегося освобождения осужденного, т. е. признания полного его исправления, в течение всего не отбытого срока наказания он находится под контролем специализированного государственного органа власти. В случае же нарушения действующего законодательства в период этого срока процесс исполнения наказания или может возобновиться, или возобновляется независимо от усмотрения суда (ч. 6, 7 ст. 79 УК РФ). Отсюда следует, что в УК РФ содержатся диаметрально противоположные нормы, действующие одновременно в отношении одного и того же лица: осужденный в момент освобождения доказал свое полное исправление (ч. 1 ст. 79), и этот же осужденный обязан доказать свое исправление в течение срока неотбытой части наказания (ч. 6, 7 ст. 79). Суд, принимая решение об условно-досрочном освобождении, фактически может и не обладать уверенностью в исправлении осужденного (что противоречит ч. 1 ст. 79 УК РФ), поскольку меры контроля за последним полностью не снимаются (ч. 6 ст. 79 УК РФ).

Еще более абсурдным является содержание положений ст. 73 УК РФ об

условном осуждении: суд, назначая наказание, может прийти к выводу о достижении его целей без реального исполнения. На этом основании назначенное наказание постановляется считать условным. В этом случае наказание не подлежит реальному применению, что переводит его в разновидность юридической фикции. Следует обратить внимание на то, что суд должен продемонстрировать уверенность исправления осужденного уже на стадии окончания судебного разбирательства и принятия решения по делу — назначения вида уголовного наказания (ч. 1 ст. 73 УК РФ). Однако при этом суд должен установить испытательный срок, в течение которого осужденный должен доказать свое исправление (ч. 3 ст. 73 УК РФ). Какие же доказательства должен предъявить осужденный представителям контролирующих его органов в подтверждение уже юридически состоявшегося признания возможности достижения исправления без применения наказания? Рациональное объяснение этому факту видится в том, что суд на момент вынесения приговора способен только предполагать, что исправление подсудимого наступит без применения наказания, хотя никакой уверенности в этом нет и быть не может. Следовательно, решение суда об отказе от применения наказания противоречит прежде всего уголовно-правовому принципу справедливости (ст. 6 УК РФ).

В правовой литературе указываются некоторые фактические обстоятельства, установление которых свидетельствует об исправлении преступника. В частности, М. А. Ефимов связывает факт исправления осужденного с соблюдением всех правил, представляющих собой режим исправительно-трудового учреждения, наличие поощрений и отсутствие дисциплинарных взысканий, помощь администрации пенитенциарного учреждения, работа над повышением своего образовательного уровня, включающая обя-

зательное ознакомление с периодической и иной литературой, участие в общественной и творческой жизни коллектива осужденных и др.⁸ Схожие критерии исправления позднее выделялись А. И. Васильевым⁹, Ф. Р. Сундуровым¹⁰, Г. П. Байдаковым¹¹, А. Ф. Сизым¹² и др. Некоторые авторы, занимавшиеся решением данной проблемы, пришли к выводу о необходимости построения системы критериев, позволяющих оценить степень исправления осужденного, отбывающего уголовное наказание. В качестве критериев исправимости назывались: отношение к совершенному преступлению и назначенному наказанию, к установленному порядку исполнения наказания, воспитательной работе, к необходимости участия в самодеятельных организациях и коллективах осужденных, самооценка, психофизиологическое состояние и т. п., а предложенные системы включали от шести¹³ до двенадцати¹⁴ структурных элементов.

⁸ См.: Ефимов М. А. Доказательства исправления и перевоспитания заключенного и их оценка. М., 1964. С. 8.

⁹ См.: Васильев А. И. О доказательствах исправления осужденных к лишению свободы // Правоведение. 1969. № 6. С. 127—128.

¹⁰ См.: Сундуров Ф. Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976. С. 59.

¹¹ См.: Байдаков Г. П. Психолого-педагогические критерии определения степени исправления осужденных в ИТК // Проблемы дифференциации исполнения наказаний: сб. науч. трудов. М., 1991. С. 69.

¹² См.: Сизый А. Ф. Юридические основания применения поощрительных норм к осужденным по исправительно-трудовому законодательству // Проблемы исполнения уголовных наказаний: сб. науч. трудов. Рязань, 1991. С. 84—87.

¹³ См.: Поздняков В. Еще раз о критериях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2005. № 2. С. 36.

¹⁴ См.: Алферов Ю. А., Байдаков Г. П., Лебедев В. В., Петков В. П., Хребтов А. В. От-

При анализе приведенных суждений об особенностях определения исправления осужденного прежде всего обращает на себя внимание односторонность авторских подходов решения проблемы: все предложенные критерии распространяют свое действие только на осужденных, отбывающих наказание в виде реального лишения свободы. О том, каким образом оценить исправление лица, которому назначен иной вид уголовного наказания или в отношении которого лишение свободы суд постановил исполнять условно, авторы умалчивают, хотя цель исправления носит универсальный характер и распространяется на все виды уголовных наказаний.

Еще одним недостатком указанных выше предложений можно признать крайнюю неопределенность критериев оценки достижения исправления осужденного. Признание вины в совершенном преступлении или справедливости (соразмерности) назначенного наказания, участие в художественной самодеятельности или чтение художественной литературы — все это лишь внешнее поведение человека, которое отнюдь не отражает действительное состояние его нравственного облика, равно как и фактическое исправление в процессе исполнения назначенного наказания. Кроме этого, все предложенные критерии оценки работают только в условиях исправительного учреждения. Надо ли в этом случае указывать на то, что требуемое от осужденного поведение может являться не актом доброй воли, а вынужденным приспособлением к внешним условиям социальной среды. Поэтому нет никаких гарантий того, что после устранения специфических условий содержания в пенитенциарном учреждении осужденный сделает осознанный выбор в пользу правопослушного поведения

рядная система ИТУ и критерии оценки степени исправления осужденных. Домодово, 1991. С. 62—80.

на свободе. Исправление осужденного, устанавливаемое путем фиксации юридических фактов поведения: раскаяние, послушание, участие, забота и др., — представляет собой разновидность юридической презумпции, относительность или даже дискуссионность которой очевидна.

Все это указывает на отсутствие практической значимости сформулированных предложений об определении достижения цели исправления осужденного и служит еще одним доказательством несостоятельности решения о законодательном закреплении исправления осужденного в качестве самостоятельной цели уголовного наказания.

Наконец, лексическое значение слова «предупреждение» сводится к опережению, к заранее предпринятым мерам, к действию, которое предшествовало какому-то событию¹⁵. В связи с этим уголовное наказание должно рассматриваться в качестве «заранее предпринятой меры» для недопущения совершения новых преступлений.

Вариант определения достижения целей частной и общей превенции предложил В. Н. Орлов, хотя многие из обозначенных им критериев иными авторами признавались признаками исправления осужденного. Специальное предупреждение новых преступлений как цель уголовного наказания, по его мнению, достигается в результате особого отношения осужденного к: 1) назначенному наказанию: лояльность, страх, неотвратимость и др.; 2) порядку и условиям отбывания наказания: недопущение нарушения требований законодательства, распространяемых на осужденного и в процессе, и после исполнения назначенного наказания; 3) исправительному воздействию: исправимость у совершеннолетних и перевоспитуемость у несовершеннолетних осужденных.

Автором выделены и критерии достижения общего предупреждения

преступлений. Обеспечение данной цели осуществляется путем формирования у общественности отношения: 1) к законодательному закреплению и назначенному в конкретном случае наказанию: признание справедливости назначаемого наказания, страх у всех представителей общественности перед уголовным наказанием, его неотвратимостью и др.; 2) порядку и условиям отбывания наказания: признание общественностью справедливыми существующего порядка и условий отбывания уголовного наказания; 3) исправительному воздействию на осужденного и воспитательному воздействию уголовного наказания: признание общественностью факта исправления, а в ряде случаев — перевоспитания осужденного, осознание нецелесообразности совершения преступления ввиду его наказуемости¹⁶.

Надо ли говорить, что все предложенные как В. Н. Орловым, так и другими исследователями критерии достижимости превентивных целей уголовного наказания не могут быть установлены в повседневной жизни, а потому их практическая значимость минимальна. Прав был А. Э. Жалинский, заявивший о полной неопределенности содержания в том числе целей уголовного наказания: «...государство и общество как в России, так и в иных странах не имеют инструментального представления о целях уголовного права, а уголовно-правовая теория об этом умалчивает... Вряд ли можно считать инструментально пригодными *общие рассуждения* (курсив мой. — В. Л.) о сокращении, преодолении, ликвидации преступности либо противодействии ей»¹⁷.

¹⁶ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. М., 2015. С. 256—257.

¹⁷ Жалинский А. Э. Избранные труды: в 4 т. / отв. ред. О. Л. Дубовик. Т. 2: Уголовное право. М., 2015. С. 108.

¹⁵ См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 534.

Результаты криминологических исследований содержат достаточно противоречивые сведения об эффективности достижения целей наказания в результате его назначения и исполнения. В некоторых работах, посвященных данной проблематике, данные, полученные в результате анкетирования и опросов осужденных, могут свидетельствовать о положительном влиянии уголовного наказания на процесс исправления¹⁸. Однако данные сведения далеко не всегда отличаются достоверностью. Часто информация, полученная таким путем, не соответствует действительности. Осужденные, согласившиеся поделиться интересующей исследователя информацией, нередко рассматривают подобное общение исключительно в качестве возможности разнообразить свою повседневную жизнь в местах лишения свободы, а потому не особо задумываются об ответах на поставленные вопросы, особенно при анонимном анкетировании. Многие осужденные могут опасаться негативных для себя последствий, если высказанные суждения о предмете исследования не соответствуют официальным представлениям и требованиям, и их ответы на поставленные вопросы станут известны третьим лицам. Некоторые осужденные, дав согласие на участие в собеседовании, стремятся таким образом доказать свою лояльность к администрации органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в надежде получить какие-либо льготы и преимущества по сравнению с другими осужденными.

В то же время результаты независимых исследований об эффективности деятельности пенитенциарных органов и учреждений свидетельствуют о ежегодном стабильном увеличении количества преступлений, совершенных лицами, уже при-

влекавшимися к уголовной ответственности. Так, Институтом проблем современного общества проведено криминологическое исследование «Зона неотчуждения». В соответствии с данными, полученными из таких источников, как ФСИН России, Росстат, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, Международный центр исследования тюрем и др., установлен стабильный рост числа преступлений, которые были совершены лицами, имеющими одну или несколько судимостей. К настоящему времени контингент лиц, отбывающих уголовное наказание, составляют 44—45% граждан, которые уже отбывали уголовное наказание¹⁹. Данный факт свидетельствует о недостижении официально заявленных целей уголовного наказания приблизительно в каждом втором случае его применения²⁰.

Таким образом, анализ предусмотренных действующим законодательством целей уголовного наказания свидетельствует о том, что ни одна из них не соответствует предложенным критериям оценки. Сопоставление различных данных о реальности достижения официально заявленных целей уголовного наказания позволяет предположить, что все они представляют собой правовую утопию. Их практическое достижение, если и представляется возможным, то уж никак не в результате применения норм уголовного законодательства. Поэтому идеализация

¹⁹ См.: Практика рассмотрения ходатайств о досрочном освобождении осужденных в российских судах: Аналитический отчет (версия для контролирующих органов) / под ред. О. М. Кыюцкой. СПб., 2016. С. 13—15.

²⁰ Также см. об этом: Майер В. А. Очерки тюремных нравов. 1995. URL: http://modernlib.ru/books/mayer_vyacheslav/cheshhezhopica_ocherki_tyuremnih_nravov/read/ (дата обращения: 14.11.2017); Шаламов В. Т. Красный Крест // Собр. соч.: в 6 т. + т. 7, доп. Т. 1: Рассказы 30-х годов; Колымские рассказы; Левый берег; Артист лопаты / сост. И. Сиротинской. М., 2013. С. 185—186.

¹⁸ См.: Комбаров Р. В. Правовое положение лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2014. С. 216—221.

современных целей уголовного наказания является теоретической ошибкой, в результате нормативного закрепления которой правоприменитель лишается действительных ориентиров в борьбе с преступностью, но вынужден предоставлять обществу не соответствующую действительности информацию о результатах своей деятельности.

Правильность формулирования целей уголовного наказания обеспечит следование обозначенным ранее формальному и материальному критериям: цели наказания реализуются исключительно в нормах уголовного закона и имеют строго определенные признаки (факты) достижимости. Также необходимо учесть, что официально указываемые цели должны достигаться при применении любого вида наказания, предусмотренного ст. 44 УК РФ, а не только лишения свободы.

Учитывая предыдущий опыт законодательной регламентации целей наказания, а также практики их достижения, можно утверждать, что, во-первых, уголовное наказание способно обеспечить достижение только одной цели. Попытки обозначения нескольких целей видятся бесперспективными, поскольку их содержательная обособленность предполагает формирование самостоятельных путей и средств достижения. Такая возможность в условиях действия современных уголовно-правовых принципов и общих начал назначения наказания (ст. 4, 6, 7 и 60 УК РФ) исключается сама по себе.

Во-вторых, превентивная цель, несмотря на главенствующее социальное значение, не может быть достигнута в результате реализации соот-

ветствующих предписаний уголовного закона. Действительно, официально запрещая соответствующий вид поведения, признавая его общественно опасным и, как следствие, уголовно наказуемым, государство обеспечивает устрашающее воздействие на сознание неопределенного круга лиц. Боязнь лишиться значимых прав и свобод может обеспечивать законопослушное поведение, однако не у всех представителей общества. И российский, и зарубежный опыт красноречиво свидетельствует, что установление уголовно-правового запрета никогда полностью не исключало криминальное поведение в обществе. Поэтому предупреждение совершения новых преступлений не может обеспечиваться только уголовно-правовыми предписаниями, а следовательно, и претендовать на признание в качестве цели именно уголовного наказания.

Действительная же цель уголовного наказания сводится к определению общественной опасности деяния, за совершение которого оно предусматривается уголовным законом. Иные цели, равно как и процедуру их достижения, следует фиксировать в нормах других отраслей российской системы права, что полностью соответствовало бы и сущности предмета уголовно-правового регулирования.

Учитывая изложенное, содержание ч. 2 ст. 43 УК РФ может быть представлено следующим образом: «Вид и размер (срок) уголовного наказания устанавливаются с целью определения характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренного настоящим Кодексом».

Библиографический список

- Алферов Ю. А., Байдаков Г. П., Лебедев В. В., Петков В. П., Хребтов А. В. Отрядная система ИТУ и критерии оценки степени исправления осужденных. Домодедово, 1991.
- Астемиров З. А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания. Махачкала, 2000.
- Байдаков Г. П. Психолого-педагогические критерии определения степени исправления осужденных в ИТК // Проблемы дифференциации исполнения наказаний: сб. науч. трудов. М., 1991.

Васильев А. И. О доказательствах исправления осужденных к лишению свободы // Правоведение. 1969. № 6.

Ефимов М. А. Доказательства исправления и перевоспитания заключенного и их оценка. М., 1964.

Жалинский А. Э. Избранные труды: в 4 т. / отв. ред. О. Л. Дубовик. Т. 2: Уголовное право. М., 2015.

Карамашев С. Б. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.

Комбаров Р. В. Правовое положение лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2014.

Курочка Е. В. Проблемы наказания в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.

Майер В. А. Очерки тюремных нравов. 1995. URL: http://modernlib.ru/books/mayer_vyacheslav/cheshezhopica_ocherki_tyuremnh_nravov/read.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1978.

Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты: монография. М., 2011.

Поздняков В. Еще раз о критериях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2005. № 2.

Практика рассмотрения ходатайств о досрочном освобождении осужденных в российских судах: Аналитический отчет (версия для контролирующих органов) / под ред. О. М. Киюциной. СПб., 2016.

Сизый А. Ф. Юридические основания применения поощрительных норм к осужденным по исправительно-трудовому законодательству // Проблемы исполнения уголовных наказаний: сб. науч. трудов. Рязань, 1991.

Сундуrow Ф. Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976.

Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. М., 2015.

Уголовное право Российской Федерации: Общая часть: учебник / под ред. О. Н. Ведерниковой, С. И. Никулина. СПб., 2005.

Шаламов В. Т. Красный Крест // Собр. соч.: в 6 т. + т. 7, доп. Т. 1: Рассказы 30-х годов; Колымские рассказы; Левый берег; Артист лопаты / сост. И. Сиротинской. М., 2013.